Автор: Терешина И. (Россия)

«Американская трагедия» оказалась мне близка. Я нашла там то, что сильно напоминает мне мою жизнь — несчастные судьбы взрослеющих детей и их отношения с родителями.

Я хотела бы поделиться своим видением и переживанием некоторых черт семейной жизни Гриффитсов, героев «Американской трагедии», в надежде, что это может оказаться полезным некоторым детям и некоторым родителям.

Хорошие родители и плохие дети

Пару лет назад я сказала своей матери, что меня связывает с ними, с родителями, чувство долга. Если вдруг от меня понадобится какая-то помощь, я чувствую себя обязанной отозваться. В этом смысле они отличаются для меня от чужих людей. Но в человеческом смысле они мне чужие. Никаких теплых чувств у меня к ним нет. Я не хочу общаться. Мне не нравится отвечать на их вопросы о моей жизни. Я, сильно нервничая, пыталась сказать, что, на мой взгляд, ими для меня в свое время не было сделано все возможное — в этом коренится мое отношение. Мать возразила мне: на ее взгляд, для меня было сделано все. Ей не в чем себя упрекнуть. «Вот чего я не понимаю. Есть родители гораздо худшие — пьют, курят, бьют детей, а дети их любят. А мы

порядочные, образованные, не пьем, не били тебя, а ты нас не любишь». Нечто в этом духе я тогда услышала.

Можно сказать так: я — плохой ребенок у хороших родителей. И это роднит мою семью с семьей Гриффитсов. Как же так выходит? Обратимся к «Американской трагедии».

В этой истории есть хорошие родители. Эйса и Эльвира Гриффитс — религиозные проповедники. Дело их жизни — нести людям свет евангельских истин. Их время и силы посвящены этому. Они возглавляют религиозную миссию, делают все необходимое для ее существования. Они организуют и проводят богослужения. Они проповедуют в миссии и на улицах города. Они призывают людей к Богу с помощью уличного пения псалмов, в котором участвует вся семья: сами родители и их четверо детей. Они общаются с паствой и помогают нуждающимся. Они молятся и рассуждают о Боге. Они сторонятся греха: не пьют, не блудят. Они избегают соблазнов мира: не читают газет, не посещают развлекательных мероприятий. Они, презирая бренные богатства, живут в нищете. Они воспитывают своих детей в вере и строгости. Они — во всяком случае, мать — считают себя праведниками, чему в тексте есть не одно подтверждение.

Их дети, совершенно очевидно, не так хороши. Религиозная жизнь им не по душе, тяготит их. Они помогают родителям в миссии, но нехотя. Как только появляется возможность, они спешат освободиться от этого бремени, стремясь обустроить жизнь по своим личным склонностям и желаниям, которые очень далеки от христианских идеалов.

Эста, старшая девочка, тянулась к легкой, красивой, романтичной жизни, так непохожей на мрачную жизнь дома. Она усвоила догматы веры в детстве. Ее муштровали, и она соблюдала «правила религиозного поведения». Правда, без понимания, автоматически, поверхностно. Пришло время, и она столкнулась с искушениями реального мира в виде мужского внимания и собственных пробуждающихся желаний. Тогда стена чуждых ей ограничений быстро рухнула. Будучи неопытной ни в окружающей, ни во внутренней жизни, она осталась совершенно беззащитна. Она лгала родителям, вела двойную жизнь, тайно встречалась с мужчинами. В один прекрасный день она сбежала с приезжим актером, соблазнившим ее. А потом вернулась — беременная и брошенная им.

Клайд, второй ребенок, главный герой книги, также тянулся к другой, более красивой и многообещающей жизни, перед соблазнами которой оказался столь же беззащитен. Он тоже стал лжив. В нем развилось болезненное тщеславие. Он стал озабочен деньгами и покупкой красивой одежды. Тяга к женщинам привела его к блуду. Он попал в компанию молодых людей, живущих своими страстями, и стал перенимать их мировоззрение. Он вынужден был сбежать из города после того, как его новые друзья на угнанной машине, в которой был и Клайд, насмерть сбили маленькую девочку. Он устроился на работу в другом городе «по блату», к брату своего отца, владельцу фабрики. Там, обуреваемый желаниями, вопреки запрету, он начал в тайне встречаться со своей подчиненной, Робертой. Он добился близости с ней, не планируя на ней жениться. В это время он познакомился с богатой девушкой, на которой, напротив, мечтал жениться. Дошло до того, что он убил свою забеременевшую любовницу, поскольку она препятствовала его намечающейся «сладкой жизни». Его осудили и казнили на электрическом стуле.

Тут — вижу, тут — не вижу

Я бы сказала, что все беды начались с раздвоенного, расщепленного видения родителями своих детей, которое очень заметно в книге. Хороший, угодный, удобный,

выгодный ребенок — видим. Плохой, трудный, проблемный, невыгодный ребенок — невидим. О хорошей части ребенка думают, заботятся. Исходя из представлений о ней действуют, общаются. Плохая часть ребенка — то, чего будто бы нет. То, что не обсуждается. То, видению чего родители активно сопротивляются. То, с чем ребенок остается один на один.

Как выглядела видимая часть Клайда? Взрослеющий сын. Чудесный мальчик, впитавший в себя благодатное религиозное воспитание и воплощающий его. Помогает в миссии. Устроился на работу, зарабатывает деньги для семьи. Также видимым для родителей становилось то плохое и неудобное, что уже невозможно «замести под ковер»: побег из города, арест после убийства Роберты и широкая огласка уголовного дела.

Что в Клайде было невидимо? То, что так очевидно читателю, но почему-то не было замечено его родителями. Что он давно разочарован в вере и их религиозной деятельности. Что он не хочет петь псалмы на улицах, потому что это для него значит быть выставленным на посмешище. Что он страдает от презрения и унижений со стороны сверстников, от ненормальности своей семьи в их глазах, от отсутствия друзей. Что он страдает от нищеты и мрачности жизни их семьи. Что от всех этих унижений в нем развивается болезненное тщеславие, чем-то похожее на тщеславие Фомы Фомича из «Села Степанчикова...», описанное Ф. Достоевским: «Кто знает, может быть, это безобразно вырастающее самолюбие есть только ложное, первоначально извращенное чувство собственного достоинства, оскорбленного в первый раз еще, может, в детстве гнетом, бедностью, грязью, оплеванного, может быть, еще в лице родителей будущего скитальца, на его же глазах?» (Достоевский, 2014). Что он, беспокоясь о своем будущем, страдает от невозможности получить образование из-за постоянных переездов семьи с места на место в поисках лучшего места для проповедей. Что он переживает за сбежавшую сестру Эсту и мучается неизвестностью. Что он не ориентируется в жизни, что у него нет никакой защиты от опасностей мира. Что он, столкнувшись с миром, пускается во все тяжкие. Родителям совершенно не хочется видеть грешного Клайда, который познакомился с разными пороками, который причастен к угону машины и гибели девочки, который стал убийцей.

Аналогично ситуация обстояла и у Эсты. Родители видели чудесную девочку, которая хорошо себя ведет, помогает в миссии, играет и поет на молитвенных собраниях. Но совершенно не видели, к примеру, мотивов к пению. А ей просто было нечем обратить на себя внимание, кроме как умением играть и петь. Ее религиозной жизнью руководили лишь привычка, слепое послушание и такое вот тщеславие.

В тени, вне видимости, оказалось самое важное. Реальные нужды. Реальные склонности и желания. Боль. Слабости. Страсти. Сложные вопросы и вызовы жизни, с которыми впервые сталкивается взрослеющий ребенок. Это все — как раз то, в чем действительно и особенно были бы нужны поддержка, помощь и мудрое наставничество. Но дети оказались лишены всего этого. Хорошие верующие родители проигнорировали и отвергли своих детей.

После того, как передо мной начала разворачивать эта картина в «Американской трагедии», я стала видеть нечто похожее и в других книгах и фильмах. «Защита Лужина» В. Набокова для меня — брат-близнец «Американской трагедии», и я буду не раз ссылаться на эту книгу. Есть и другие истории: «Село Степанчиково и его обитатели» Ф. Достоевского; фильмы «Волчок», «Эта пиковая дама», «Похороните меня за плинтусом». Все это — случаи того, как родители и другие взрослые не видят самое живое и важное в детях, оставляя в зоне видимости лишь приемлемую для себя часть. Все истории вместе создают более объемное видение.

Возведение «фасада» как реакция на невидимость

Мне до боли знакома лживость Клайда и Эсты в подобных обстоятельствах. Ложь их, в основном, носила характер «мама, смотри, я хороший, а не плохой». Конечно же, она возникла как ответ на отношение родителей. Она — словно выращенный специально для них внешний защитный орган, скрывающий то, что внутри. Можно было бы представить панцирь или щит. Мне же почему-то сразу представляется дом с великолепно отделанным фасадом, который вполне может соседствовать с полной внутренней разрухой.

Когда я стала размышлять о детской лжи, мне вспомнился отрывок из книги «Человек перед Богом» Антония Сурожского: «И вот перед каждым из нас — задача встречи с нашим ближним. Для этого надо научиться смотреть с целью увидеть, слушать с целью услышать. И это нам нелегко дается, это нас страшит. Потому что услышать — это значит связаться с судьбой человека, увидеть — это значит связаться с судьбой человека. Встречается нам знакомый или посещаем мы больного и спрашиваем: ну, как?.. И наш знакомый или больной глядит на нас с надеждой и со страхом: неужели этот человек поставил вопрос, на который он хочет получить ответ? Неужели этот человек хочет узнать и, значит, свою судьбу с моей соединить? Из глаз, из звука голоса звучит и надежда, и страх; и человек часто отвечает: да ничего, спасибо... И как часто, как постоянно бывает, что мы довольствуемся этими словами; эти слова нас освободили, он нас не затянул в свою судьбу, он не потребовал нашего участия, он не сказал того слова, после которого я не могу отвернуться с безразличием; я смотрел ему в глаза и увидел мольбу, надежду, страх — но я закрыл свои глаза и услышал только слова, и теперь я свободен; я знаю, что ему «Да ничего, не так плохо», — а значит, и хорошо, может быть. А услышь ты звучанье голоса, вглядись ты в глаза и увидь выражение этих глаз — и нельзя так уйти... Но если это допустить, то надо отозваться; и не только добрым словом, не только мгновенным поступком, а завязав отношения или вступив в круговорот событий и отношений, которым, может быть, не будет и конца. А каждый думает: неужели не хватает у меня моего горя? моей заботы?.. Или просто: неужели я дам этому дню, который изо всех дней такой тихий, спокойный, радостный, омрачиться одним словом этого человека? Да, я его люблю, но он может все одним словом разрушить; лазурь, весенний день превратится в пасмурный, холодный зимний вечер; все будет покрыто туманом, все станет холодным, радость потухнет... И мы отходим» (Митрополит А. Сурожский, 2001). Ложь ребенка о своей жизни в духе «я хороший» — реакция на неготовность родителя узнать правду...

Могли ли родители заметить что-то, наблюдая за Клайдом, Эстой и другими детьми? Да, ведь все было у них под носом. Можно было заметить кислые лица детей во время уличных выступлений. Можно было заметить их настроение. Можно было заметить перемены в их поведении. Можно было заметить признаки лжи. Но родители предпочитали всего этого не видеть.

В «Защите Лужина» есть отрывок, где Лужин-старший, придя на первую встречу с классным руководителем сына, стал свидетелем того, как его ребенка, мальчика Сашу, обижают другие школьники. Но отец почему-то не придал этому значения, продолжая, как ни в чем не бывало, разговаривать с учителем. Это не обсуждалось дома, а обсуждались уроки. Отец предпочел не видеть того, что было причиной реальной боли его сына (Набоков, 2014, с. 16-20).

Клайду было стыдно говорить матери правду. Стыд был связан с ощущением того, что мать — воплощенное совершенство, до которого Клайд не дотягивает. Конечно, если бы он присмотрелся, то мог бы заметить бреши в этой идеальной картинке. К примеру, он мог бы увидеть, что его мать, когда ей это выгодно, выступает поборницей правдивости и честности, требует правдивости от других, а когда ей самой это невыгодно, врет. Но поскольку Клайд не видел этого, то чувствовал себя крайне уязвимо, неуютно. Необходимо было смягчить это, дотянуться до матери, скрыть от нее свое страшащее несовершенство. Ложь оказалась выходом.

Двойные стандарты, напоминающие эту избирательную честность Эльвиры Гриффитс, есть и в «Защите Лужина». Отец узнал, что его сын пропускал школу. И пытался в связи

с этим на него надавить, взывая к долгу: «...Он упомянул о том, что у каждого человека есть долг, долг гражданина, семьянина, солдата, а также школьника». Это не произвело на мальчика Сашу большого впечатления. Когда сын ушел, отец «... только пожал плечами и подумал о том, как грустно жить, как трудно исполнять долг, не встречаться, не звонить, не ходить туда, куда тянет неудержимо...» (Набоков, 2014, с. 38). Самому отцу долг семьянина не помешал иметь любовницу. На словах — одно, на деле — другое. Для себя — одно, для сына — другое. И для меня не удивительно, что такие слова отца для сына — пустой звук.

Нельзя не сказать и о том, что ложь нужна была Клайду для защиты от родителей. Чтобы выжить, несоответствие и непослушание были ему необходимы. Невозможно жить, если положить в основу совершенно нереалистичные идеалы его родителей. К тому же, он был вынужден защищать от них свое свободное время и заработанные деньги. Он защищал то, чем обладал, от них. Как от врагов. Он врал о том, что время свое тратит не на пустяки, а на работу. Видимо, лишь это могло стать для родителей уважительной причиной, чтобы освободить его от обязанностей в миссии. Он врал о том, что его заработок меньше, чем он есть на самом деле, иначе ему пришлось бы расстаться с надеждой воплотить свои собственные материальные мечты.

«Фасад» может выглядеть по-разному. Он может быть как у Клайда — подыгрыванием чужой игре, ложью, активным выстраиванием двойной жизни. А может быть совершенно другим, как у мальчика Саши в «Защите Лужина». Он отказывается от игр, которые навязывают ему взрослые, отказывается контактировать, «уходит в себя». Он становится безответным, укрывается в безучастности. И мне близко и понятно это поведение мальчика, чья чувствительная душа не выносит лживости, фальши, манипуляций и эксплуатации, которые его окружают.

За этим «фасадом» ребенок живет с тоской о том, чтобы все-таки быть увиденным.

Вспоминается один момент «Американской трагедии». Клайд заключен и ожидает казни. Он встречается с матерью. Мать требует от него правды: виновен он, как все вокруг говорят, или нет? Клайд понимает, что и сам не может сказать ей правду, и она не готова ее узнать. Ни он сам, ни мать, ни религия не могут дать ему утешения в его трудной ситуации. Терзаясь всем этим, он думает: «...Как ни горячо он желает найти прибежище в Боге, а еще лучше, если бы это было возможно в любящем и всепонимающем сердце матери...» (Драйзер, 2015, с. 787). Это пронзительные слова о том, насколько желанны могут быть настоящие любовь и понимание родителя, насколько тяжела его неспособность разделить с ребенком его «темные стороны». Даже если речь об уже повзрослевшем ребенке.

Отчуждение

В подобных условиях у ребенка могут формироваться тягостное отношение к семье, отчуждение и враждебность по отношению к собственным родителям. Они не только не помогают ему жить, но и мешают. Да еще и подают это под соусом «мы хорошие родители»! Сколько сил нужно на то, чтобы вести ради них «двойную жизнь»! Откуда здесь взяться теплоте? Разве это близкие отношения, когда ребенок не может довериться, не получает поддержки в самом важном для себя, вынужден врать? Разве хочется находиться в такой семье? Разве удивительно, что дети Гриффитсов так радуются возможности быть где угодно, но не дома? Что хорошего можно взять из такой семьи? Чему в ней можно научиться?

Отчужденность друг от друга вообще была характерна для семьи Гриффитсов. Сколько таинственности между ними! В книге не раз встречаются обсуждения семейных проблем, которые сопровождаются попытками сделать так, чтобы остальные члены семьи не знали, что происходит. Мать не раскрывает детям содержание записки, которую оставила Эста, сбежав с актером. Мать втайне от всей семьи заботится о

вернувшейся Эсте: втайне переписывается с ней, втайне ищет ей жилье. Мать, как можно догадаться по тексту, просит Эсту никому из членов семьи не говорить о ее возвращении. Мать, прося денежной помощи для Эсты у Клайда, просит его не говорить об этом отцу и другим детям. Когда Эста узнает, что Клайд убил Роберту, и сообщает об этом матери, мать просит Эсту не говорить об этом отцу и другим детям. И это не все примеры таинственности. Но самой яркой стала для меня такая подробность: в их доме не отваживались открыто, все вместе, читать газеты, в которых были статьи, связанные с преступлением Клайда. У меня сложилось впечатление, что эта семья в принципе не умела открыто и вместе переживать грешность и слабость кого-либо из членов семьи. Они жили друг с другом в каком-то странном сговоре избегания острых углов. И все трудности и терзания каждый переживал в одиночестве. Конечно, для ребенка это очень тяжело.

Забота не о том

Я обратила внимание на один из знакомых мне симптомов невидимости родителями детей. Я называю его «забота не о том». У детей были реальные нужды. Например, прекращение их унижения уличным пением, прекращение нищеты и мрачности, получение хотя бы школьного образования. Но вместо этого родители занимались внедрением в их умы религиозных «истин», правил, лозунгов, оказавшихся бесполезными в реальной жизни. Они давали не то, что было нужно. Когда происходит так, человек, о котором заботятся, не чувствует себя любимым. «Забота не о том» может оказаться тяжелой, болезненной, унизительной, вызывать раздражение, протест, разочарование, неприязнь, отторжение. И это при том, что на «заботу не о том» заботящийся может тратить массу сил и времени! Кстати, этому явлению, его влиянию на отношения и возможности преодоления посвящена целая книга — «Пять языков любви» Г. Чепмена (Чепмен, 2017).

В «Защите Лужина» это хорошо заметно. Мальчик Саша как физическое тело окружен самой разнообразной заботой. Его «неровные зубы... столичный дантист обхватил платиновой проволокой». Его лечили впрыскиваниями мышьяка. У мальчика обустроенная комната. Мальчика кормят вкусностями. У него спрашивают, не холодно ли ему, поправляют на нем плед и одежду. При этом нематериальные проблемы мальчика Саши игнорируются. Книга полна примеров тому. Другая история, где есть явный перекос в сторону заботы лишь о телесной части ребенка — фильм «Похороните меня за плинтусом».

«Забота не о том» может выражаться и в «не тех подарках». В фильме «Волчок» мать привозит девочке ежа. Девочка совсем не радуется, а потом убивает этого ежа. У матери своя жизнь, в которой дочь не важна. А девочка больше всего хочет, чтобы мама была рядом. Это желание не исполняется. Но ежом, гематогеном, изюмом и сгущенкой, которыми мать откупается, эту нужду заткнуть невозможно. Почему «не те подарки» должны ее радовать?

Все это мне очень знакомо. Я могу понять этих героев и других детей, которым не в радость забота не о том в них, что действительно нуждается в заботе.

Что прячут родители?

Родители не так совершенны, как это может казаться детям. Им самим есть что

скрывать. Мне кажется, что для лучшего понимания этого имеет смысл обратиться к истории того, как Эйса и Эльвира Гриффитс начали свою религиозную деятельность.

В детстве Эйса был вялым умственно и физически, несуразным, толстым мальчиком. Он был неуравновешенным, не слишком одаренным, непроницательным, неспособным мыслить самостоятельно. Он слыл в своей семье жалким неудачником. Обнаружив, что Эйса не способен ни к какой практической деятельности, его отец пытался заставить его работать. Продолжилось тем, что отец не замечал сына, а потом просто выгнал его из дома. Он завещал большую часть своего имущества двум старшим братьям Эйсы. И с тех пор, как Эйса ушел из дома, он стал религиозным проповедником. Видимо, это было единственное занятие, которое ему хоть как-то удавалось, позволяло хоть кем-то стать.

Стал ли он кем-то, занявшись религией? Или это стало для него способом скрыться от жизни? Видел ли он, что он провалился в качестве мужа и отца? Видел ли он, что все в их семье тащила на себе Эльвира? Думал ли он, какой пример он подает Клайду, его брату, дочерям?..

Эльвира же была «...просто полуграмотной девушкой с фермы и очень мало задумывалась над вопросами религии. Но, влюбившись в Эйсу, она заразилась от него ядом евангелизма и прозелитизма и восторженно и радостно последовала за ним, разделяя все его рискованные затеи и причуды. Ей льстило сознание, что она может проповедовать, петь псалмы, что она способна убеждать и подчинять себе людей силою «слова Божия». Это давало ей известное нравственное удовлетворение и укрепляло желание работать вместе с мужем» (Драйзер, 2015, с. 19). Для Эльвиры это занятие было способом почувствовать себя выдающейся, возвышающейся над другими, потешить свое тщеславие.

Их мотивы — не те, что должны бы руководить религиозной проповедью. Ни дети, ни другие люди, которые попадали под их влияние, их особенно не интересовали сами по себе. И, конечно, такую правду о них никто не должен был узнать! Выходит, не только дети в этой семье раздвоенные, но и родители.

Оказавшись в таком положении, Эльвира и Эйса разыгрывают религиозность с большим упорством, упоением и упрямством. Насколько велико было их упрямство жить так, как они живут, можно увидеть, сравнив первую и последнюю главы в книге. Произошедшие в семье трагические события не становятся поводом пересмотреть образ жизни и способ воспитания подрастающего поколения.

Мне близко и важно православие. Я работаю в православном храме. При этом у меня сложные отношения с религиозной верой. В том числе потому, что в этой сфере есть большой простор для заблуждений, обмана и самообмана — самых разнообразных «болезней религиозности», как я для себя это называю. Эти болезни, на мой взгляд, очень коварны и опасны, их важно учиться распознавать. «Вера в Бога» может быть чем угодно. Образ жизни семьи Гриффитсов для меня — один из примеров тому. «Американская трагедия» дает и другие примеры «болезней религиозности», с которыми можно встретиться, прочитав книгу.

Я написала о том, что дети для родителей были не очень-то важны, поскольку было более важно что-то другое. Это может быть скрываемая или неприкрытая правда. И это может выглядеть по-разному. В «Защите Лужина» отец был увлечен своим писательством, своим образом в глазах других, своей любовницей. Мать была занята

страданиями по поводу предательства отца. Также в отношении ее приоритетов весьма красноречив эпизод, где ее сын, переполненный тяжелыми чувствами, выбегает из-за стола, роняя посуду. И тогда первым делом она смотрит, нет ли трещин на опрокинутой посуде, тревожась о ней быстрее и больше, чем о состоянии сына (Набоков, 2014, с. 21). В фильме «Волчок» мать жила своей увлекательной жизнью с мужчинами, а ребенок воспринимался как обуза. В фильме «Эта пиковая дама» мать была поглощена своими хотениями, ощущением себя центром мира, объектом всеобщего интереса, восхищения и поклонения. В «Селе Степанчикове...» Егор Ильич был озабочен тем, чтобы угождать Фоме Фомичу, невзирая на интересы детей и за счет детей.

В книге «Монахиня» Д. Дидро мать больше заинтересована в том, чтобы убрать с глаз долой живое напоминание о своем прелюбодеянии — свою незаконнорожденную дочь (Дидро, 2012). Мать может быть занята бизнесом, пренебрегая жизнью дочери (Антимоник, 2014). Или же родители, будучи сами ранеными кем-то другим, могут не понимать, что дети страдают, или хотеть для детей тех же страданий, что выпали на их долю (Тимофеева, 2014). Родительская нелюбовь многолика.

Непереносимость вины

Одним из напутствий в работе над книгой для меня был отрывок из книги «Отец Арсений» из главы «Ты с кем, поп?»: «Говорите, что коммунисты верующих пересажали, церкви позакрывали, веру попрали. Да, внешне все выглядит так, но давайте посмотрим глубже, оглянемся в прошлое. В народе упала вера, люди забыли свое прошлое, забросили многое дорогое и хорошее. Кто виновен в этом? Власти? Виноваты мы с вами, потому что собираем жатву с посеянных нами же семян.

Вспомним, какой пример давали интеллигенция, дворянство, купечество, чиновничество народу, а мы, священнослужители, были еще хуже всех. Из детей священников выходили воинствующие атеисты, безбожники, революционеры, потому что в семьях своих видели они безверие, ложь и обман. Задолго до революции утратило священство право быть наставником народа, его совестью. Священство стало кастой ремесленников. Атеизм и безверие, пьянство, разврат стало обычным в их среде...

...Что мог взять народ от таких пастырей? Какой пример? Плохо воспитали мы сами народ свой, не заложили в него глубокий фундамент веры. Вспомните все это. Вспомните! Поэтому так быстро забыл народ нас, своих служителей, забыл веру и принял участие в разрушении церквей, а иногда и сам первый начинал разрушать их. Понимая это, не могу я осуждать власть нашу, потому что пали семена безверия на уже возделанную нами же почву, а отсюда идет и все остальное, лагерь наш, страдания наши и напрасные жертвы безвинных людей».

Вот от чего так отчаянно прятались родители: им пришлось пожинать то, что они посеяли. Это они воспитали таких детей. Они не такие уж замечательные и праведные. Они виноваты. По всему видно, что для Эльвиры это непереносимо. Когда она обсуждает с Клайдом побег и возвращение Эсты, она говорит ему: «Прямо не верится, что Эста навлекла на себя и на всех нас такое горе... Разве есть тут наша вина? Разве не дано ей было совсем иное воспитание?» (Драйзер, 2015, с. 117). Когда она позже обдумывает проступки Клайда, то виноватым оказывается кто-то другой: обстоятельства, дурная компания развращенных молодых людей, недостаточно целомудренная девушка, которая согласилась на близость с ее сыном. Кто и что угодно — только не ее сын и не она сама с ее воспитанием. Отмечу, что и Клайд не единожды в книге смотрит на все похожим образом: виноват кто угодно, только не он. Вот его мысли после исповеди в убийстве, которая состоялась, но которая не имела ничего общего с покаянием (еще одна «болезнь религиозности» — такие вот «исповеди»!): «...В глубине его души жило чувство, что он не так виноват, как всем им, по-видимому, кажется. В конце концов, ведь их не мучили, как мучила его Роберта своим упорным стремлением выйти за него замуж и тем испортить ему жизнь. Их не жгла неистребимая страсть к Сондре, к воплощению сказочной мечты. Они не изведали всех мук и унижений его ужасного детства, им не приходилось петь и молиться на улице, сгорая со стыда, когда вся душа, все существо рвалось к иной, к лучшей доле» (Драйзер, 2015, с. 777–778).

Такая вот у них семейная непереносимость вины.

Почему так тяжела оказывается вина? Как не убегать от своей вины? Как достойно жить дальше, будучи виноватой? Для меня эти вопросы открыты.

Для чего нужно воспитание?

Из чего исходил процесс воспитания в семье Гриффитсов? Я нашла для себя два ответа. Первый — родители учили детей тому, во что верили сами, что считали правильным. Второй — они учили их, исходя из собственного удобства, выгоды, используя детей в своих целях.

Родители верили в Бога, и верили фанатично. Этот фанатизм скрывал правду их жизни. Не только истинные мотивы их религиозной деятельности, не только вину, но и другие аспекты их жизненной ситуации. В связи с этим мне вспоминается «Мужество быть» П. Тиллиха. Он пишет о том, как *«с целью избежать риска вопрошания и сомнения человек отказывается от права спрашивать и сомневаться»* (Тиллих, 2014, с. 62–63). Он пишет о фанатизме:
«Фанатизм — коррелят духовного самоотречения: он обнажает якобы побежденную тревогу, нападая с несоразмерной яростью на тех, кто не соглашается и своим несогласием обнаруживает такие стороны духовной жизни фанатика, которые он должен в себе подавлять. А коль скоро он должен подавлять их в себе, он должен

подавлять их и в других. Его собственная тревога заставляет его преследовать инакомыслящих»
(Тиллих, 2014, с. 63). В другом месте:
«Опасности, таящиеся в изменениях, неизвестность грядущего, тьма будущего превращают нормального человека в фанатичного защитника существующего порядка»
(Тиллих, 2014, с. 87). И еще:
«С точки зрения реалистического самоутверждения религиозное рвение часто приходится воспринимать с некоторым подозрением. Ведь нередко мужество быть, создаваемое религией, есть не более чем желание человека ограничить собственное бытие и закрепить это ограничение властью религии»
(Тиллих, 2014, с. 91). Почему Гриффитсам-родителям была так важна религия и ее лозунги? Как эти лозунги возникли? Чему служили? От чего защищали? И в целом: как жить? Знают ли они жизнь? Что верно и правильно? Действительно ли родители знают ответы на эти вопросы — о себе, о детях? Почему так невыносимо то, что дети своим поведением, по сути, восстают против религиозного фанатизма родителей, обнажая его несостоятельность? Основания собственных убеждений родителей бывают хрупки. И это относится не только к религиозным убеждениям. Это может касаться образования, будущей профессии, материального благосостояния, дружбы, отношений с противоположным полом, вредных привычек и др. Признавать, исследовать — это трудно, страшно, больно. Куда проще надавить на ребенка, заставив следовать собственным указаниям, чем задумываться о назначении и происхождении этих указаний.

Воспитательные воздействия могут нести выгоду для родителей. Здесь могут оказаться весьма кстати христианские добродетели, которыми можно манипулировать (еще одна «болезнь религиозности» — наряду с уже упомянутыми двойными стандартами!). В книге есть отрывок, который, на мой взгляд, это раскрывает. Правда, там нет детей и родителей, а есть врач и пациент. Клайд и Роберта ищут возможности избавиться от зачатого ребенка. Дело было в то время, когда аборты были запрещены и делались лишь подпольно. Клайд отправляет Роберту к доктору, который, по слухам, кому-то уже делал аборты. Роберта и доктор встречаются, разговаривают. В ходе разговора доктор решает для себя, что делать аборт Роберте для него опасно и невыгодно. Но он не озвучивает ей истинные мотивы своего отказа прямо. Вместо этого он говорит о том, что ему, как верующему человеку, невозможно совершить подобный грех. Также он убеждает ее сохранить ребенка, говоря о благодатности материнства, приплетая сюда религию и Бога. И ясно, что дело тут совсем не в Боге, а в личной выгоде доктора и желании выглядеть определенным образом (Драйзер, 2015, с. 379–388). Что-то похожее, насаждение «добродетельности» в личных интересах, возможно и у родителей. «Добродетельный» ребенок удобен, он не становится источником различных неприятностей. Из-за его учебы и поведения не будут вызывать в школу, из-за него не

будут делать замечаний родителю. Ребенок не будет драться, не будет болеть и попадать в истории из-за вредных привычек, девочка не принесет в подоле и т.д. «Добродетельный» ребенок — часть имиджа родителей, доказательство их собственной правильности и праведности. Не говоря о том, что ребенок, как в случае с Клайдом, может быть рабочими руками и кошельком. Воспитание может быть направлено на достижение всего этого.

Итого

На сессиях МИЭК я не раз слышала вариант толкования пятой заповеди о почитании родителей. Что значит «чтить родителей»? Это не значит, что их нужно непременно обожать, быть с ними в хороших отношениях. Это значит ясно увидеть их ошибки и постараться их не повторить. Для себя я добавляю — не только со своими детьми, если они у меня появятся, но и со всеми остальными людьми, с которыми меня сводит жизнь.

К какому преодолению ошибок призывает «Американская трагедия»?

Задаваться вопросом: что действительно нужно другому? Постараться видеть в другом не поверхностное и маскировочное, а реальные нужды и боль, отвечать именно на них.

Называя кого-то любимым, реально думать и заботится о нем, а не о собственных выгодах и страстях. Не путать удобство человека для меня с благом этого человека.

Учиться видеть и выносить «темную сторону» в себе и в других, не отворачиваясь, не отвергая. В том числе вину.

Не врать себе об истинных мотивах своих действий. В том числе — желания научить чему-то других, настоять на своей воле.

Настораживаться и разбираться, когда кажется, что я хороша и права, а другой плох и не прав.

Проверять свои стандарты — не двойные ли они?

Не позволять другим страдать от моего фанатизма и боязни видеть правду. Быть внимательной к собственным верованиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антимоник В. Опыт психологического сопровождения лиц, вынужденно покинувших территорию Украины: полевые заметки лета 2014 // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2014. №2 (25). С. 81–85.

2. Дидро Д. Монахиня. М.: Астрель, 2012.

3. Достоевский Ф.М. Село Степанчиково и его обитатели. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. С. 28.

4. Драйзер Т. Американская трагедия. М.: Э, 2015.

5. Митрополит А. Сурожский. Человек перед Богом. М.: Паломник, 2001. С. 97.

6. Набоков В. Защита Лужина. СПб.: Азбука, 2014.

7. Отец Арсений / Сост. прот. В.М. Воробьев: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Эксмо, 2014. С. 85–86.

8. Тиллих П. Мужество быть. М.: Модерн, 2014.

9. Тимофеева Е. Стратегии выживания после пережитых ситуаций насилия // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2014. № 2 (25). С. 69–80.

10. Чепмен Г. Пять языков любви. Библия для всех. СПб., 2017.